

Крепость графа Монтеня была не такой уж большой, но выглядела надёжно. И не только выглядела – она состояла из нескольких рядов оборонительных укреплений, что делало её весьма неприятной для штурмующих. В противном случае, она не смогла бы худо-бедно, но выстоять против ожесточённого натиска Колома.

В соответствии с архитектурным стилем крепостей, здесь также наличествуют внутренняя и внешняя крепостные стены. Во внутреннем контуре, окружённом первым слоем защитных стен, гордо возвышаются бастион, донжон и башня, откуда ведут отстрел лучники.

Слева от них располагаются палаты, где проживают граф и его домочадцы. Сбоку к палатам пристроилось небольшое строение, где размещается прислуга, а также кухня. Казалось, что оно, как верный слуга, припадает к ногам своего хозяина.

Также во внутренней крепости находятся ещё две, крайне важных, постройки. Это кузня и арсенал или, если выразиться простым языком, оружейный склад. Оба строения примыкают к башне с лучниками. В случае войны проблем с поставками вооружения возникать не должно, потому близость к месту, где находятся лучники, является хорошим решением.

Внутренняя и внешняя крепостные стены соединяются подъёмным мостом. Однако, возможно, по причине особенно ожесточённых боёв на этом направлении, его сделали двойным.

Пространство между внутренней и внешней крепостными стенами занимают несколько стратегически важных строений. Неподалёку от них находятся палатки, где ночуют чернорабочие и рабы.

Но самым важным местом в этом промежутке является так называемый «Рыцарский зал». Здесь рыцари проводили свои собрания и прорабатывали стратегии. В случае осады именно тут изначально будет развёрнута ставка командования. Естественно, в случае взятия внешней стены, её тут же переместят за стены внутренние.

С наружной стороны внешних стен прорыт ров шириной четыре метра и глубиной в три. Попасть сюда можно не иначе как по главному подъёмному мосту.

Одного лишь этого довольно, чтобы назвать крепость весьма основательной. Однако в случае нападения королевства Колом, когда нужно будет продержаться до подхода основного кулака рыцарей Галика, этого недостаточно.

Поэтому дед графа Монтеня построил ещё один ряд укреплений. За подъёмным мостом, что у внешней стены, расположилось поселение. Жилища всех без исключения рыцарей находятся именно здесь. По периметру поселение окружено частоколом, над которым возвышаются дозорная и защитная башни. Назначение данного места – выиграть время в случае нападения.

В результате, оборона осуществляется в четыре этапа.

Первый – предварительные стычки в поселении меж частоколом и внешними стенами крепости.

Второй – если предыдущая линия прорвана, отступление за подъёмный мост, подъём этого моста и сражение на внешней стене крепости. С этого момента начинается настоящая осада. Поскольку вокруг внешней стены находится ров, то здесь можно продержаться весьма приличное время даже против крупной армии.

Третий – если потеряна и внешняя стена – отступление за внутреннюю через двойной

подъёмный мост. Поскольку эта часть защитных сооружений расположена на крутой возвышенности, штурмовать её очень непросто даже при наличии осадных орудий.

Четвёртый и последний – если пала даже внутренняя стена – оставить палаты, запереться в донжоне, забаррикадировать двери и держаться сколько получится.

Граф Монтень не являлся прям-таки выдающимся правителем, но и некомпетентным его назвать было нельзя. Не был он и жестоким тираном, облагавшим непосильными податями и изматывавшим людей ежедневным изнурительным трудом. Однако к ремонтным работам в крепости он подходил со всей серьёзностью. В периоды простоя сельскохозяйственных работ, крестьяне и фермеры принудительно сгонялись в крепость. Зернохранилище же всегда под завязку было забито зерном — на случай длительной осады.

Въезжая в крепость, Широн внимательно изучил данные аспекты. Если в будущем придётся воевать за это место, то крепость нужно знать как свои пять пальцев.

От графа Монтеня Широну досталось сразу многое. Прежде всего, ему отделили весьма приличный участок зернохранилища. Всё хранившееся там зерно отныне стало принадлежать Широну.

Также ему достался один из домов. Тот был построен из дерева и камня и казался добротным и надёжным. Поскольку в бою Широн предпочитал копье, ему доставили из арсенала одно из наиболее качественных копий. А ещё выдали молодую и здоровую лошадь.

До этой поры перечислялось то, что дают своим рыцарям большинство феодалов. Граф же добавил кое-что от себя.

Во-первых, одну из комнат в своих палатах. Конечно, Широну уже достался дом в поселении за внешней стеной, однако возможность в любое время посещать палаты была весьма кстати. Также Монтень разрешил ему пользоваться своей личной тренировочной площадкой.

А ещё он приставил к нему одного из слуг. «Потому что кто-то должен готовить пищу мужчине, не связавшему пока себя узами брака». То есть, граф лично озаботился даже такими вещами.

Кстати, коль уж зашла речь о еде, стоит кое-что упомянуть. Дело в том, что земли Галика славились вкусной и разнообразной кухней. Так называемое гурманство – употребление изысканной пищи, приготовленной различными способами – является одним из развлечений галикцев.

В сравнении с местной, кухня королевства Колом казалась до ужаса однообразной. Там вообще мало что ели помимо ржаного хлеба и молока. Конечно, в пищу шло и мясо, однако ржаной хлеб являлся основой их стола. Потому галикцы всенепременно посмеивались над своими менее счастливыми соседями. Мол, за всю свою жизнь коломцы и не едят-то толком!

В представлении же жителей Галика, «поесть толком» означало примерно следующее. Вначале употреблялись лёгкие закуски, после чего подавался мягкий свежий хлеб и мясо либо рыба, к которым шло великолепное вино. А напоследок следовало побаловать себя чем-нибудь сладеньким.

Что касается Широна – он всегда мог как следует поесть. И вовсе не потому, что его слуга проявил чудеса кулинарного искусства. Дело в том, что граф по любому поводу приглашал его отобедать.

Вот и сегодня его вновь позвали разделить трапезу.

«Широн! Заходи скорее. Я пригласил тебя потому что внизу, в ручье у поселения, наловили форели. Ха-ха-ха! Мне нравится вкушать эту добрую пищу в компании молодых людей вроде тебя. Когда подают форель, я частенько приглашаю в гости молодёжь из посёлка», – привёл правдоподобную причину граф. – «В этот раз мой повар особенно постарался. Он долго мариновал рыбу в отличном вине, а при жарке то и дело смачивал её лимонным соком. После чего довёл до готовности в кастрюле на пару. В общем, я надеюсь, что тебе понравится!»

На самом деле, конечно, это был только предлог. Когда это он приглашал молодёжь, употребляя форель? Да и кто в этом месте, помимо Широна, подпадал под данное слово?

«Спасибо вам за приглашение. Признаться, я буду есть форель в первый раз, поэтому опасаясь, что не смогу должным образом соблюсти правила этикета при её приёме», – вежливо проговорил Широн, занимая своё место.

Граф уставился на него непонимающе. Наблюдая утончённые речь и манеры молодого человека, ему казалось, что тот вполне соответствует всем нормам поведения. И чем дольше он за ним наблюдал, чем сильнее тот ему нравился.

И вновь граф вспомнил покойного Эдмона: «Эх, а он так любил запечённую форель, маринованную в вине...»

Граф ненадолго погрузился в думы, но вскоре вернулся к разговору. И спросил то, о чём давно хотел спросить.

«Ну и как тебе здесь? Пришлось ли испытать какие неудобства? Если есть жалобы, то не держи в себе, обращай в любое время.»

«Мне всё нравится. Особенно тренировочная площадка – она такая тихая и уютная! Также благодарю вас за копьё и лошадь. Они действительно превосходны», – Широн выдержал паузу, утирая губы салфеткой, после чего с явной нерешительностью продолжил. – «Кстати, я хотел вам сегодня кое-что сообщить.»

Увидев, как посерьёзнело лицо собеседника, граф напрягся. Он опасался, что тот заявит о своём уходе.

«Мои родители являлись последователями культа Кроноса.»

Имя Кроноса Широн произнёс смело и открыто. Подобной прямолинейностью часто пользовались Аль Маджали или архиепископ Ноабской империи. Это один из приёмов допроса, когда, ввернув неожиданную шпильку, внимательно наблюдаешь за реакцией противника...

Естественно, шёл он на это не просто так. Невидимые под обеденным столом, кончики пальцев Широна окрасились зелёным, концентрируя бактерии. Если реакция графа окажется откровенно враждебной или возникнет хоть какой-то шанс утечки информации Луану, он собирался прибратся здесь по-тихому, а после заняться корректировкой плана.

«Ч-что? Кроноса?» – Монтень был шокирован до глубины души.

Сам граф по отношению к культу особого негатива не испытывал, но, как бы то ни было, фраза эта сама по себе являлась очень опасной.

«Да, но культ вовсе не был демонической сектой, в которой занимались исключительно оргиями и развратом, как то утверждает Луан. Мои родители были нормальными людьми. Враг таким образом намеренно извратил обычай, который всего лишь постулировал плодovitость. И насильно к подобному никого из верующих не принуждали.»

«В-вот как?»

«Я считаю, что Священная империя не имеет права подавлять наш альянс Градун и проводить свои религиозные интервенции. Большинству арманцы кажутся ещё большим злом, однако, в конечном итоге, для нас нет разницы между Луаном и Арманом. Обе эти страны стремятся силой расширить свои территории и навязать нам свои религии. И если бы Галик и Колом объединили силы в те годы, когда Луан вторгся в королевство Тругель и разорял культ Кроноса, и пришли на помощь союзнику, нападение Священной империи удалось бы отразить.»

«Д-да... Ты прав. Именно ради взаимопомощи и создавался альянс Градун.»

«Но ни одно из королевств так и не помогло Тругелю. И не потому, что культ Кроноса был для них таким уж воплощением зла. И точно не из-за того, что обманулись речами Луана. Нет, оба королевства желали ослабления Тругеля. И это действительно случилось. Но посмотрите, что мы имеем теперь? Колом и Галик усиленно готовятся к войне друг с другом! А Луан не дремлет, и в момент, когда мы в достаточной мере изматываем себя, заглоти́т нас одним махом.»

«Да, то, что ты говоришь, вполне реально. Но всё же это слишком опасно. Если священная империя Луан превратится во врага...» – в лице графа отчётливо отразился страх.

Широн окинул графа ледяным взглядом. Казалось, будто его взгляд проникает в самый мозг и видит собеседника насквозь. Он словно пытался заглянуть в душу графа. Широн должен был понять, беспокоится тот о нём или же исключительно о собственной безопасности.

На этот раз удочку забросил сам граф. На его лбу проступили глубокие морщины, вероятно, от сильного волнения.

«Кстати, а по какой причине ты начал обсуждение культа Кроноса? Означает ли это, что ты тоже следуешь догматам павшего культа?»

«...»

Широн окаменел лицом и стиснул зубы.

Граф принял его молчание за положительный ответ и лицо его побледнело. На нем проявилось выражение, словно он не знал, как ему следует поступить в данной ситуации.

«Я-ясно! Ты последователь Кроноса. И что же нам теперь делать?..»

Граф Монтень с сочувствием на лице топнул ногой.

Широн закусил губу. По всему выходило, что граф переживал скорее о нём, чем о собственной безопасности. Вероятно, из-за того, что видел в нём покойного сына.

И Широн решил довериться своему впечатлению.

«Кому ещё ты рассказал об этом? Надеюсь, ты не трепался о таком направо и налево?»

«Я произнёс это в первый раз. Когда я снова увидел вас, господин граф, то вспомнил своих

родителей и потому решился выложить то, что на душе. Эту историю я хранил в глубине своего сердца и никогда прежде не упоминал о ней...» – Широн помрачнел.

Глаза же графа, напротив, засияли. До сих пор он переживал, думая, что единственный считает Широ́на своим сыном, но, оказалось, тот тоже видит в нём отца! Может ли быть новость радостнее этой!

«Ладно, хорошо. Сейчас о таком рассуждать сложно. Мы всё ещё слишком слабы, а Луан, напротив, силен.»

«Если вас тяготит то, что я следую догматам Кроноса, скажите мне. Я просто уйду», – попытался прощупать почву Широн.

Как и ожидалось, граф поспешно замахал руками в знак отрицания и произнёс: «Да нет, причём тут тягости... Мне грустно оттого, что ты не можешь открыто верить в то, во что веришь, но надеюсь, что ты будешь действовать мудро. Если вера действительно важна для тебя, то в первую очередь ты должен научиться скрытности. Только так ты сможешь дожить до светлых дней. Не торопись действовать сгоряча. Давай, пока живёшь здесь, поищем варианты вместе.»

Добиться от графа подобных слов было равносильно победе. Прежде почти все, кто слышали о Кроносе, резко менялись в лице и проявляли враждебность. По сравнению с ними, реакция графа выглядела практически дружелюбной.

И тогда Широн решился убрать копившиеся на кончиках пальцев бактерии. Отныне он мог считать, что начало положено. Пройдёт совсем немного времени и культ Кроноса восстанет подобно степному пожару. И фео́д Павитон станет началом этого возрождения.

Покончив с обедом, Широн вышел из палат и отправился к тренировочной площадке. Пока он в одиночестве шагал по коридорам, губы его едва заметно шевелились.

«Бию́м, как я уже говорил, переходим к следующему этапу. И да – присмотри за графом внимательно. Он, в принципе, не должен, но ежели всё-таки начнёт вести себя подозрительно, немедленно дай мне знать.»

От Широ́на веяло холодом ледяного айсберга.

Писк! Писк! – Прозвучало в ответ из-за стены.

«Следующий этап!...» – ещё раз прошептал Широн.

Проговаривая это, он с силой сжал кулаки. В глазах отразилась тень страдания. Ведь, скорее всего, с началом следующего этапа в жертву будут принесены множество невинных людей.

Широн настолько вынужден торопиться, что ему придётся воспользоваться этими жертвами как трамплином. Он не может тихо и спокойно распространять религиозное влияние. Потому что прежде чем добьётся на этом поприще хоть каких-нибудь успехов, на него выйдет разведка Луана. Именно поэтому распространение веры должно произойти одномоментно, словно пожар в степи под порывами ветра.

«Вероятно, в памяти потомков я останусь жестокосердным Сатаной. После смерти стану блуждать в бездне бесконечного ада, а при жизни не буду знать сна из-за ненависти и упрёков тех, чьими жизнями пожертвовал. Но как же мне вести нормальную жизнь, когда за плечами

такие призраки, как император-людоед Бартенкиум или Кровавый властитель Карл Зейц?!
Если не буду жестоким, станут ли мне подчиняться все эти жуткие призраки Бастиона Душ?!
Ох-хо-хо-хо...»

В смехе его слышалась горечь. Всего на минуту, но в глазах его проявилась тень сожаления.

Но повернуть назад уже нельзя. Разве не предсказано ему Судьбой, что не будет ни дня, когда его руки не обогрятся кровью?

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680443>